

The background of the entire cover is a photograph of a sunset. The sun is a bright, glowing orb positioned slightly above the center of the horizon. Its light creates a shimmering, golden path of reflection that stretches vertically down the center of the water. The sky is a mix of orange and dark blue, with some wispy clouds. In the foreground, the dark, silhouetted branches of trees or bushes are visible, framing the bottom and sides of the image.

Леонид Дворкин

СОЛНЕЧНАЯ ДОРОЖКА (сборник стихов)

Леонид Иосифович Дворкин

Солнечная дорожка

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10290227

*Солнечная дорожка. Сборник стихов / Дворкин Л.И.: Инфра-Инженерия; Москва; 2015
ISBN 978-5-9729-0091-6*

Аннотация

Перед Вами книга лирических стихов. В ней можно найти поэтические зарисовки природы, раздумья автора о прожитом, трогательные слова о «братьях наших меньших», признание в любви к жизни во всех ее проявлениях.

Автор книги непрофессиональный поэт. Он ученый, профессор, доктор технических наук, автор многих книг в области строительства. В одном из своих стихов, размышляя о деле, которому он посвятил жизнь, автор пишет:

Не знаю благороднее я дела,
служу ему немало лет.

Могу сказать сегодня смело:

«ученый я, и, значит, я – поэт».

И с этим, очевидно, можно согласиться

Содержание

Я был рожден под знаком Козерога	7
Я был рожден под знаком Козерога	8
Что не успел я в этой жизни	9
Спор с мудрецом	10
Мне повезло начать в шестидесятых	12
Я не люблю искусственных цветов	13
Мне говорят, что устарели книги	15
Я не поэт, конечно, я ученый	16
Уплыл в туман XX век	18
Курьерский поезд	19
Профессор	21
В кабинете	22
Страницы жизни	23
Ученый думает	32
Выпьем за трудоголиков!	33
Горе от ума	34
Жене	36
Люблю я запах скошенной травы	38
Мадонна, опаленная войной	39
Не по душе мне юбилеи	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Леонид Дворкин
Солнечная дорожка.
Сборник стихов

Читателю

Я уже немолодой человек из того поколения, которое называют «дети войны». Жизнь так сложилась, что большую ее часть я посвятил себя науке в области строительного

материаловедения.

Стихи – любовь моей молодости, которая сохранилась и в зрелом возрасте. Считаю, что поэзия чистит и лечит душу человека независимо от его возраста и рода занятий.

Для меня стихи – это не только хобби, но и способ концентрированного выражения своих эмоций и раздумий. Первоначально они были опубликованы в интернете на сайте «Стихи. ру». Желание издать их в виде отдельного сборника возникло после того, когда я убедился, что мои стихи могут быть интересны достаточно широкому кругу читателей.

Надеюсь, что сборник дойдет до своего читателя, и буду признателен за отзывы.

Искренне Ваш, Леонид Дворкин

**Я был рожден под
знаком Козерога**

Я был рожден под знаком Козерога

Я был рожден под знаком Козерога —
под знаком голубой Земли,
мне звезды дальние зажгли дорогу,
когда метели снежные мели.

Дорога жизни поднималась круто,
в тумане растворялась и петляла вновь.
Я шел упорно, не сходя с маршрута
и часто ноги разбивая в кровь.

Меня пьянило это восхождение,
вдыхал всей грудью запах горьких трав.
Я ощущал всегда земное притяжение,
любил красу полей, лугов, дубрав.

Я вижу золотится горная вершина,
трубит призывно чей-то громкий рог.
Склоняется все ближе, ближе к сыну
красавец гордый Козерог.

Что не успел я в этой жизни

Что не успел я в этой жизни,
наверно, трудно перечесать.
Не стоит, впрочем, быть капризным,
не стоит ни о чем жалеть.

Не все пришлось объехать страны,
быть на лазурных островах,
но слышал я как утром ранним
поет в весенней роще птах.

Я не скопил за жизнь миллиона
и не купил себе дворцов,
но видел полыханье кленов,
цветенье милых васильков.

Не был я "женским душегубом",
уставшим от своих побед.
Я был наивным однолюбом,
останусь им на склоне лет.

В лучах я славы не купался,
не избалован был судьбой.
Пожалуй, просто я старался,
наверно, быть самим собой.

Спор с мудрецом

Известно, что на склоне лет
под смертным одеялом
— Все суета сует —
изрек мудрец не даром.

Все суета сует,
все в этом мире тленно...
Выходит, зря он столько лет
работал так отменно.

Выходит, зря он открывал
законы мироздания.
Выходит, зря он написал
томов своих собрания.

Выходит, зря ночей не спал,
гнал от себя усталость.
Выходит, зря себя терзал,
имел к себе бы жалость.

Выходит, жизнь прошла как сон
нелепый, глупый, вздорный.
Но так ли это, Соломон?
Идея твоя спорна.

Седой ученый вновь раскрыл
сухие, в формулах страницы.
– Нет, мудрый царь, я все же жил
и знал к чему стремиться.

Не знаю, сколько еще лет
отвел мне на земле Всевышний.
Нет, жизнь не суета сует,
обратное доказывать излишне.

Мне повезло начать в шестидесятых

Мне повезло начать в шестидесятых.
Я уезжал с любимой на Восток.
Был полон чемодан надежд крылатых,
туман манил неведомых дорог.

Сибирь, ты не забыла, помнишь инженера
– студенческий костюм и смоль густых кудрей?
Пусть легок был карман, в глазах горела вера
в успех, победу и плечо друзей.

Сибирь, не верю я, что ты сурова,
я так доверился тебе тогда.
Глаза закрою, кажется, что снова
меня ласкает Енисейская волна.

Метель пусть запуржила кудри инженера.
Наверное, с годами стало холодней.
И все же, я надеюсь, что в глазах осталась вера
в успех, победу и плечо друзей.

Я не люблю искусственных цветов

Я не люблю искусственных цветов,
не по душе притворные улыбки,
не надо мне фальшивых слов
и комплиментов, если они липки.

Не надо мне хоромов пустота
и роскоши холодная надменность.
Не греет сердце камня красота
и золота хваленая нетленность.

Мне дорог полевой букет,
цветет он красками земными
и шлет мне искренний привет
цветов головками простыми.

Улыбка – добрый знак души.
Душа не может быть фальшивой.
Милей улыбки не ищи
улыбки женщины любимой.

Слова лекарствами подчас бывают,
лекарства сладкими бывают не всегда.
Как часто люди забывают,
слова убийцами бывают иногда.

Вот дом. Богат он и огромен,
но честностью не пахнет там.
Мой дом, я знаю, очень скромн,
но я его построил сам.

Пусть не блистает драгоценность,
нет страшно дорогих вещей,
зато господствует здесь верность,
и здесь не предадут друзей.

Мне говорят, что устарели книги

Мне говорят, что устарели книги,
ну разве триллер или детектив,
что у экранов все застыли
и им не надо разных чтив.

Не надо утруждать себя раздумьем,
душой трудиться им зачем,
и даже с явным слабоумьем
кино доступно сейчас всем.

Хорошее кино накладно,
не все его еще поймут.
Пусть примитив пустой, но складный,
стреляют пусть, воруют, жгут.

Мы удивляемся садизму
совсем неопытных юнцов
жестокости их, эгоизму,
набору мерзких, бранных слов.

Державные мужи поймите,
ведь вывод следует простой —
гуманности вы не ищите,
ей учат Пушкин и Толстой.

Я не поэт, конечно, я ученый

Я не поэт, конечно, я – ученый,
науки раб и господин,
водой особою крещеный
в пустыне знаний – бедуин.

Ученый также как старатель,
что моет тоннами песок —
романтик, труженик, мечтатель,
не всеми понятый пророк.

Он в фактак ищет утешенье,
находит в цифрах красоту
и часто гонит прочь сомненье,
а ложь он чует за версту.

Ученый знает, что жестоким
бывает истины момент,
немилосердным, но высоким
судьей его – эксперимент.

Зато как сладостны мгновенья,
кто испытал меня поймет,
когда приходит вдохновенье,
высокий творческий полет.

Не знаю благороднее я дела,
служу ему немало лет.
Могу сказать сегодня смело
ученый я, и значит, я – поэт.

Уплыл в туман XX век

Меня преследует попса,
на всех каналах стало тошно,
пищат, гнусавят голоса,
а на душе тоскливо, тошно.

Душа голодная болит,
душе ведь тоже надо пища,
душа холодная кричит:
– Ты отопрей меня, дружище.

Уплыл в туман двадцатый век
и стало круче наше время.
Ты не жалеешь, человек,
ведь что-то потеряло племя?

Карьера, деньги, суета,
долгой романсы и манерность
и в то же время – пустота,
а, главное – немилосердность.

Все в жизни было, я как все
святым не был и в том признаюсь,
но верным был своей душе
и до конца таким останусь.

Курьерский поезд

Летит курьерский мой,
минуя полустанки.
Все меньше их осталось впереди.
Как будто бы с горы
летят шальные санки
и снегом замечает санные следы.

Летели вместе с ним,
когда весна звенела,
дурманил нас жасмин
и пели соловьи.
За станцией Весна и Осень отшумела.
Отплакали свое холодные дожди.

Все гуще валит снег.
Стекло заиндевело.
На станции Зима мигает семафор.
– Мой поезд, не спеши,
шепчу ему несмело,
– Ты слышишь, как стучит
горячий твой мотор?
Он отдохнет, и мы помчимся снова,
растает за окном ночная пелена,
деревья зашумят в своем уборе новом,
за станцией Зима опять придет Весна.

Профессор

Закончилось студенческое лето.
В аудитории стоял беспечный гам.
Вошел профессор как-то незаметно.
приветливо представился он нам.

Я предвкушал унылые расчеты,
рутину цифр, сухие чертежи,
но вскоре ощутил раскованность полета,
крутые интеллекта виражи.

Мне показалась лекция поэмой,
волнующей до глубины души.
И убедительными были теоремы,
и несухими были чертежи.

А он как маг, вводил нас в сказку,
в симфонию волшебных слов.
Мы зачарованно следили за указкой,
за блеском роговых очков.

Впервые, не без изумленья
запомнил автор этих строк
студентов ропот сожаленья,
когда раздался вдруг звонок.

В кабинете

Люблю как нежно золотится
здесь первый робкий летний луч
и все приветливей искрится
горячий шар из темных туч.

Люблю узор замысловатый
на окнах зимнею порой
и свет настольный красноватый
и книги, что всегда со мной.

Могу беседовать я с каждой,
о многом с ними вспоминать.
Уверен, книги могут также
о чем-то думать, молча ждать.

Наверно, лучшие мгновенья
я с ними вместе пережил,
нет слаще мига озаренья,
— я эту истину открыл.

Причудливо все в красном свете,
все ближе слышен шум грозы.
Отсчитывают время в кабинете
мои любимые старинные часы.

Страницы жизни

Мой сын, чем объяснить не знаю,
мне стало сниться детство, мать,
страницы жизни я листаю,
наверно, начал уставать.

Ты знаешь, я не знал усталость,
работал много, на износ,
хотел взамен всего лишь малость
чтоб ты, сынок, счастливым рос.

Жизнь так сложилась,
что жестоко и подло обожгла война.
Отчаянно трудилась мама,
чтоб хлебом накормить меня.

Жизнь без отца по своему учила
терпеть тогда, когда невмоготу.
Я помню мама, сторбясь, шила,
надеясь легче будет, если подрасту.

Я рос в поселке белорусском,
кругом лесная сторона,
а в ложе берегов песчаных
течет река Березина.

Я этот край считаю лучшим,
благословленным на Земле —
пахучий хлеб, речные кручи
и крики петухов в селе.

Ватага сельских ребятишек,
нехитрых игр азартный пыл.
Очарование первых книжек,
свет керосинки, что коптил.

За окнами мороз добрячий,
гоняет ветер облака.
Картофель на столе горячий
и жбан парного молока.

А мама у стола хлопочет:
"Ты ешь сынок, изголодался, знать.
Вчера читал ты до глубокой ночи,
ложись сегодня раньше спать."

Ах, мама, ты, конечно, знала,
ведь таял в лампе керосин,
накрывшись старым одеялом,
взапой читает книги сын.

И страсти сильные витают
в его мальчишеской душе —
вот он Дантеса убивает,
вот с Пятницею в шалаше.

Как быстро детство пролетело,
оставшись в беспокойных снах.
Как быстро вьюга прошумела,
оставив иней на висках.

Горжусь я тем, что с детства вырос
среди совсем простых людей,
им подлости не ведом вирус
не ведом вкус пустых страстей.

Для них добро и сострадание
не просто звук красивых слов,
а искренне помочь желанье
и разделить, коль надо, кров.

....

Вот отзвенел звонок последний,
вздохнула школа словно мать.
Цвела сирень и дуб столетний
хотел о чем-то рассказать.

А вскоре я с простым "приданным",
обняв седеющую мать,
уехал с ветхим чемоданом
в столичный город поступать.

Далекий пятьдесят седьмой...

Благоухали в парке розы,
и Минск шумел такой родной,
и теплые шумели грозы.

Непросто было жить, учиться,
деньгами мне никто не помогал.
Бывало, хлеб с одной горчицей
в столовой нашей уплетал.

Наука мне легко давалась
и погулять я был не прочь,
но в сессии особенно старался,
за книгами короткой была ночь.

Все дальше, дальше уплывают
дни юности прекрасные моей
и ослепительно сверкают
неповторимостью своей.

В далекий тот прекрасный вечер
под сенью минских тополей
судьба мне подарила встречу,
за это благодарен ей.

Меня пьянили танго звуки,
темнела неба бирюза,
и нежные белели руки,
блестели карие глаза.

В тот вечер понял я, наверно,
когда так пахла резеда,
что встретился с любовью верной
и с ней останусь навсегда.

Пять лет учебы пролетели.
Где же работать? Велик мир,
но мы с любимой захотели
уехать в снежную Сибирь.

....

Сибирь, в тебя, по-прежнему влюблен я,
хоть нрав твой круток и суров,
людьми твоими восхищен я,
Сибирь не любит слабаков.

Бывало все – морозы, ветры
и на воде одна лапша,
но комнатуха наша в девять метров
была уж больно хороша.

Здесь с панцирем кровать стояла,
шкаф, сбитый из простых досок.
Стол, лампа, одеяло
и рядом книжный уголок.

Вот в этот уголок наш райский
еще кроватку я принес

и в морозный день январский
жену с дочуркою привез.

Поверь, что было нам не тесно,
был по душе нам первый кров.
Причина этому известна
ее название – любовь!

Так получилось, что наука
работой стала для меня.
Наука, сын, такая штука
всей жизни требует она.

Наука – труд упорный, черный,
когда усталость валит с ног.
Наука – путь совсем не торный
среди неведомых дорог.

Взамен – минуты вдохновенья,
азарт открытий, красота.
Не знаю выше наслажденья
познания истины, что, ох как не проста.

....

Мне 26. Томск. Сильные морозы.
На кафедре тепло. Пожатыя крепких рук.
Неведомо откуда взялись розы...
Я победил. Я– кандидат наук.

Мне повезло. Был бум шестидесятых,
мы знали, что нужны и не жалели сил.
Домой я возвращался как лимон отжатый,
но знал я твердо: здесь надежный тыл.

....

Над Енисеем плыл закат. Какие краски!
Зарделась гроздьями рябина.
Мы попрощались с Красноярском
и взяли курс на Украину.

Полесский город. Всюду "мова",
украинский колорит.
Начинать все надо снова —
жизнь на месте не стоит.

Шли будни. Кафедра, наука.
Светился до ночи мой кабинет.
Меня не посещала скука...
Так пролетело 40 лет.

Я помню осень полыхала.
Октябрь был особенно красив.
жена в окне роддома сына показала,
сказав: "Ты посмотри как он красив!"

Но были горькие страницы.

Чернее тучи была ночь...
В палате городской больницы
ушла из жизни моя дочь.

Мы десять лет боролись тщетно.
Недуг коварен был, жесток.
Судьба была немилосердной,
неотвратим был страшный рок.

А вскоре на кладбищенском пригорке
туман тяжелый скорбно плыл.
Стоял я с комом в сердце горьким.
Дождь лил... Я маму хоронил.

Дождь лил. Грунт под ногами чавкал.
Дождь лил. Холодный ветер выл.
Седой профессор как ребенок плакал.
Седой профессор маму хоронил.

....

Мне 65. Пора считать итоги.
Душа не хочет на покой.
Еще манят меня дороги.
Еще витает планов рой.

А боль уйдет, сынок, я верю
не может сердце отказать.
Я верю в жизнь и эту веру

тебе хочу я передать.

Ученый думает

Ученый думает. Ложатся
значков латинских этажи
уверен он, что пригодятся
трудов мудреных тиражи.

Ложатся формулы как бисер —
познания истины плоды.
Домашние стараются быть тише,
чернеют белые листы.

Науке преданный фанатик
— любимей дела просто нет.
Он может ночью как лунатик
шагами мерить кабинет.

К костюмам модным равнодушен,
бывает иногда смешон,
уверен он, что людям нужен...
А может быть наивен он?

Выпьем за трудоголиков!

Нет жалости к себе не толики.
Ну что за люди трудоголики!
Им можно вовсе не платить,
но этим их не укротить.

Коллеги "дуют" в турпоход,
а он с собой работу прет.
Все едут летом отдыхать,
а он готов "пахать", "пахать".

С ним секретарша про любовь,
но хочет он работать вновь.
Друг говорит: "Что за бабенка!"
А он: "Вот это работенка!"

Жена: "Поедем на курорт".
А он: "Меня работа уже ждет".
Жена: "Ты просто идиот".
А он: "Неполот огород".

Но все же должен я сказать:
— Нельзя их нам не уважать.
Долой, ребята, алкоголиков
и выпьем мы за трудоголиков.

Горе от ума

Как много развелось дебилов,
хоть впору "караул" кричать.
В почете хамство, грубость, сила,
а интеллект – изволь молчать.

Не нужен он для власть имущих,
толпою легче управлять,
толпа влезать не будет в сущность,
толпе не надо много знать.

Толпа подачкам будет рада,
кусочкам малым пирога,
делиться властью с ней не надо,
а власть им, ой, как дорога.

Толпа не спросит: – Миллионы
как можно честно раздобыть?
Ее им безразличны стоны
– Ну, право, люди, хватит ныть!

Для кайфа разве мало водки
и секс дешевый – нет проблем,
а мы закроем быстро глотки
любителям запретных тем.

И пусть на суше и на море,
как мудро заявил поэт,
нам от ума лишь только горе,
я все же славлю интеллект!

Жене

Мы вместе жизнь прошли, родная.
Бед и радость – пополам.
Всегда спешил я к дому, зная,
любимая меня ждет там.

Глаза закрою на мгновенье
и вижу, словно в первый раз
я вальса дивное кружение
и блеск глубоких карих глаз.

Сибирь, январские метели,
наш первый дом, кровать малыша.
Меня теплом незримым грели
твоя любовь, твоя душа.

Мне не страшна была работа,
работал, не жалея сил,
мне помогала лишь твоя забота,
ее я не всегда ценил.

Судьба, увы, была жестока,
и черной часто была ночь...
С гранита смотрит одиноко
для нас всегда живая дочь.

И пусть остры болезни стрелы,
с "косою" просьба не спешить!
Хочу букет ромашек белых
тебе, родная, подарить.

Люблю я запах скошенной травы

Люблю я запах скошенной травы,
дымок костра у голубой опушки
и трепет на ветру березовой листвы
и ивовый шатер над тихою речушкой.

С ее водой я в юность уплываю
и чищу душу я ее водой,
надеюсь, верю и мечтаю
и забываю, что, увы, немолодой.

Что годы-тучки уплывают,
что жизнь как речка коротка...
Я понял здесь и твердо знаю,
что лучший лекарь мой-река.

А ивы— сестры милосердья,
вот только плачут много они зря.
Шумят сегодня чайки так усердно,
о чем-то важном, словно, говоря.

Мадонна, опаленная войной

Моей маме посвящаю

В июне Беларусь прекрасна,
благоухает край лесной.
В тот день закат багрово-красный
стоял над тихою рекой.

Спала районная больница,
малыш ворочался во сне.
В четыре ночи вспыхнула зарница,
стекло посыпалось в окне.

Над лесом зарево стояло,
зажглась тревожная звезда.
Мать малыша к себе прижала
и поняла – пришла беда.

Война – все глуше это слово,
все дальше отблески огня.
Глаза закрою я и снова,
они до боли жгут меня.

Орда, как туча, наплывала,
недобрых ждали все вестей.
Отец сказал, мать вспоминала:

– Ты уезжай, спасай детей.

Прощай, жена, живи с надеждой,
придет он наш заветный срок.
Бери детей и узелок с одеждой,
полуторка вот едет на Восток.

И политрук склонился к сыну:
– Ну что ж, сынок, большим расти.
Шоферу крикнул: – Не тяни резину.
Прошу, браток, не подведи.

Соленым был тот поцелуй последний,
прощальный крик застрял в груди,
и, горьким был тот вечер летний,
неведомое ждало впереди.

....

Полуторка сначала заурчала,
потом рванула, не жалея сил,
и долго мать рукой махала,
клубилась за машиной пыль.

Мы ехали навстречу грозам,
от вспышек бомб алел закат.
Шофер был просто виртуозом,
для пассажиров ценный клад.

Как мог он обходил ухабы,
носил и хлеб и кипяток,
лечил больных, поддерживая слабых
и путь держал лишь на Восток.

Полуторка дошла до Брянска,
а в Брянске треснул коленвал.
Шофер ворчал, «Кобыла панска»,
людей доставил на вокзал.

....

В переполненном вагоне,
где разместился, кто как мог,
где вперемешку смех и стоны,
мы ехали все дальше на Восток.

А ночью грянула бомбежка
и осветила будто днем,
светиться стали даже крошки,
вагон наш занялся огнем.

Нам повезло, живы остались
и мессеры продолжили полет,
а утром снова все собрались
и поезд наш ушел вперед.

....

Степь оренбургская встречала
настоем крепким ковыля.
Нам, как могли, здесь помогали,
чтоб жизнь не началась с нуля.

Я помню ветхую времянку
бесплатно дали казаки,
лохмотья, старую лежанку,
что любит только кизяки.

Я помню ветры и метели,
в фуфайке длинной я иду...
Изголодавшись часто ели
очистки от картошки, лебеду.

Трудилась мать и в зной и в стужу.
За труд – колхозный трудовень.
Надежда только грела душу,
ждала она заветный день.

Ждала все время беззаветно
желанный от него сигнал.
Письмо пришло под вечер летний.
На бланке – "без вести пропал".

И сжалась грудь тревожно, больно,
комок подкрался к горлу, там застыл.
Надежда слабая теплела осторожно.
– Не верю. Жив он, жив.

А утром на работу рано,
и так три года, каждый день...
мы ждали голос Левитана,
названия свободных деревень.

И день пришел. Нас провожали.
Родным нам стал колхоз степной.
Крестьяне, что могли собрали.
Ура! Мы ехали домой.

....

Нас Белорусь руинами встречала,
родной поселок было не узнать,
где хата дедова стояла,
там воронья кружилась рать.

Мой дед – читатель древней Торы,
мудрец, любивший всех людей,
не знал тогда, что очень скоро
убит он будет как еврей.

Старик, ремесленник известный,
любимец был округи всей,
доверчивый, порядочный и честный
он не стыдился, что еврей.

В колонне скорбной оглянулся

мой дед на свой родимый кров.
Уверен, что всевышний содрогнулся,
когда живых бросали в ров.

Присела мать у старых вишен.
Печален шум был их ветвей.
Казалось ей, что она слышит:
— Родная, береги детей.

В райкоме маме сообщили:
— Нет, не безвестно муж пропал,
в бою его враги пленили,
пытали зверски, он молчал.

А утром, привязав к машине
с табличкой "в немцев он стрелял",
отца тащили к красной глине,
но он, истерзанный, молчал.

Так говорили очевидцы —
крестьяне местных деревень.
Были наказаны убийцы,
пришел он тот заветный день.

Райком тогда принял решение —
героев вместе схоронить,
родных собрав на погребенье,
могилу братскую открыть.

Останки мужа мать узнала,
стараясь громко не рыдать.
В тот день она седую стала
в свои неполных тридцать пять.

Как жить без денег и без крова,
одна надежда – на людей.
– Родной, тебя я слышу снова,
ты верь, я сберегу детей.

Давно Победа отгремела,
в историю ушла война.
Мы выросли и сами поседели
Нам все дороже та весна.

Я в снах тревожных вижу детство
и маму, жизнь отдавшую для нас.
На жаль, никто не разработал средство
отдать мне маме долг сейчас.

Я преклоняюсь, мама, пред тобою,
мадонною военных лет,
мадонной, опаленною войною.
Печально, мама, что тебя уж нет.

Не по душе мне юбилеи

Не по душе мне юбилеи,
поток порой фальшивых слов
и реки сладкого еля,
букеты жертвенных цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.